

Митрополит Иларион: Перевод на русский язык не решает проблему понимания смысла богослужений современным человеком

21 марта 2020 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на канале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Это программа «Церковь и мир». Мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом о событиях в России и в мире. Здравствуйте, владыка!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: Вот с какой темы, владыка, я хотела бы начать. В нашей стране провели опрос населения, и россияне назвали топ-5 аморальных поступков, на их взгляд. На первом месте наркомания – 90 процентов, второе – коррупция, алкоголизм, уклонение от уплаты налогов, присваивание чужих вещей, денег, иными словами, воровство. Вот что интересно. По сравнению с предыдущими опросами россияне стали терпимее к неуплате налогов, к тем, кто ездит без билетов. А вот к наркомании, коррупции, алкоголизму по-прежнему терпимости нет. Как Вы оцениваете этот лист топ-5 аморальных поступков? Он для Вас стал сюрпризом или нет?

Митрополит Иларион: Он для меня не стал сюрпризом, потому что Церковь всегда борется и с алкоголизмом, и с наркоманией, и с коррупцией. Но если бы меня попросили назвать те аморальные поступки, которые совершаются, к сожалению, очень часто и на которые обращается очень мало внимания, то я бы на первое место поставил аборт. В нашей стране совершается узаконенное убийство людей. У нас власть говорит о том, что демографические показатели надо повышать. У нас очень много женщин, которые хотят родить ребенка и не могут этого сделать, в том числе потому, что они когда-то сделали аборт. Я думаю, что это и есть то аморальное явление в нашей жизни, с которым нам следует бороться всем миром.

Если говорить о коррупции, то она, действительно, является очень серьезной проблемой нашего общества, потому что мы с этим сталкиваемся постоянно в повседневной жизни. Мы сталкиваемся с тем, что у нас продажные суды, продажные судьи, у нас за деньги можно купить то или иное

судебное решение. Я не говорю о том, что это происходит во всех случаях, но таких случаев было достаточно, в том числе тех, которые получили огласку.

Е. Грачева: А почему, как Вам кажется, владыка, на втором месте коррупция, а воровство – на пятом?

Митрополит Иларион: Я не стал бы ставить пороки на то или иное место. Я думаю, что все аморальные поступки, которые перечислены, сказываются отрицательно и на обществе в целом, и на каждом конкретном человеке, который эти аморальные поступки совершает. Поэтому чем больше люди будут прислушиваться, в том числе, к голосу Церкви, которая предостерегает против аморальных поступков, тем, я думаю, более благополучным будет наше общество.

Очень часто Церковь упрекают в каком-то излишнем морализаторстве и говорят: а почему вообще Церковь нас все время учит? Что мы, сами не можем разобраться? Почему Церковь вмешивается в разные сферы нашей жизни? Церковь никуда не вмешивается, куда ее не просят вмешаться. К голосу Церкви прислушиваются только те, кто хотят к этому голосу прислушаться. Но голос Церкви направлен на то, чтобы сделать людей более благополучными, более счастливыми, чтобы помочь людям ориентироваться в том мире, где добро и зло перемешаны.

Е. Грачева: Владыка, вот еще новость, которую я хотела бы попросить Вас прокомментировать. Алтайские власти обязали частные предприятия восстановить собор 1902 года и передать его Церкви, при этом для предприятий сумма просто неподъемная. Чья это была инициатива? Хочется в этом разобраться. Имели ли место подобные случаи, когда руководство Русской Православной Церкви вмешивалось?

Митрополит Иларион: Вы знаете, если на территории какого-то предприятия находится культовое здание, церковь, то эта церковь должна быть возвращена Церкви. Это очень простое правило, которое, я думаю, должны соблюдать все предприниматели. Если они не хотят в это вкладываться сами, это, конечно, их право, они могут передать это здание Церкви, Церковь сама вложится в то, чтобы его отреставрировать. Но такие ситуации, которые имели место в советское время, когда культовые здания превращались в какие-нибудь подсобные или складские помещения, в наше время недопустимы. И всякий, кто приобретает недвижимость, включающую в себя культовые сооружения, должен понимать, что эти сооружения должны быть переданы той религиозной конфессии, которой они изначально принадлежали.

Е. Грачева: В Сергиевом Посаде при Московской духовной академии открылся центр исследований в области биоэтики. Это чья инициатива? Чем этот центр будет заниматься, какими именно вопросами? Например, такие темы, которые многих волнуют – ЭКО, суррогатное

материнство – будут ли они подниматься в этом центре?

Митрополит Иларион: Я думаю, что этот центр создан по инициативе самой Московской духовной академии и что именно эти вопросы, которые Вы сейчас упоминали, и будут там изучаться. Церковь не остается в стороне от изучения этих вопросов. Вы знаете, что у нас уже в 2000 году был принят документ, который называется «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где есть целый раздел, посвященный биоэтическим проблемам: там говорится и об ЭКО, и о суррогатном материнстве, и о многих других проблемах, которые волнуют современное общество. Но мы также знаем, что биоэтика не стоит на месте, она продолжает развиваться, появляются какие-то новые феномены, новые явления, и Церковь не может на них не реагировать. Эта реакция Церкви может формироваться в разных ее сегментах.

Но я хотел бы также обратить Ваше внимание на то, что у нас существует консультативный орган, который был создан по инициативе нашего Патриарха и который называется Межсоборное присутствие. Его задача – обсуждать те темы, которые могут потом ложиться в основу документов, принимаемых Архиерейскими Соборами, а Архиерейский Собор – это высшая власть в Русской Православной Церкви. Так вот, в рамках Межсоборного присутствия у нас обсуждаются проблемы биоэтики. Был, в частности, подготовлен документ о крещении младенцев, появившихся в результате суррогатного материнства. Сейчас готовится документ по проблематике ЭКО и целый ряд других документов про другим биоэтическим вопросам.

Е. Грачева: Если я правильно понимаю, мы неоднократно в нашей программе поднимали тему ЭКО и суррогатного материнства, ответ Церкви тут однозначный: нет. В таком случае возникает вопрос: а что обсуждать и чему посвящены эти документы? Допускает ли Церковь, что если технологии в ЭКО продвинулись и процедура ЭКО не будет приводить, скажем, к умерщвлению других эмбрионов, то Церковь может дать «зеленый свет» и благословить эту медицинскую процедуру? Или все-таки нет?

Митрополит Иларион: Как раз именно это сейчас обсуждается. Мы сейчас, обсуждая тему ЭКО, столкнулись с двумя фактически взаимоисключающими точками зрения. Одна точка зрения – это то, что ЭКО недопустимо ни при каких обстоятельствах – такую точку зрения разделяют некоторые священнослужители и некоторые богословы. А другая точка зрения: если для оплодотворения яйцеклетки используется сперма мужа, то в таких случаях это возможно. Это дискуссия, которая сейчас ведется, это вопросы, на которые нам предстоит ответить, я думаю, в самое ближайшее время. Пока готового ответа у нас нет. Мы находимся в процессе обсуждения, но, надеюсь, к следующему Архиерейскому Собору сможем предложить какую-то консолидированную точку зрения.

Е. Грачева: Как разделились голоса за первую позицию и за вторую? Какое процентное соотношение?

Митрополит Иларион: Я затрудняюсь сейчас назвать процентное соотношение, но когда мы начинали эту дискуссию, то голоса разделились примерно поровну. Как закончится эта дискуссия и к какому консенсусному мнению мы придем – это нам предстоит в ближайшее время увидеть. Самое важное для нас, чтобы те решения, которые мы предлагаем, имели консенсус, то есть чтобы мы не предлагали какие-то мнения, которые будут оспорены значительной частью нашей церковной полноты. Наша задача как раз и заключается в том, чтобы выявить тот консенсус, который на сегодня существует, помочь его сформулировать и затем представить Церкви и обществу.

Е. Грачева: Еще одна очень сложная с точки зрения морали и этики тема касается эвтаназии. Дело в том, что пришла новость из Германии: там Конституционный суд отменил закон, который до сих пор запрещал эвтаназию в стране, и суд также отметил, что право на смерть по собственному желанию, то есть самоубийство, является одним из ключевых прав человека. Естественно, что Католическая Церковь и протестантские церкви Германии выступили против этого решения, но, тем не менее, оно принято. Что Вы можете сказать по этому поводу, особенно по этому пункту, касающемуся самоубийства?

Митрополит Иларион: Я хотел бы прежде всего «поздравить» Германию с тем, что 75 лет спустя после победы над нацизмом возрождается наследие Адольфа Гитлера. Стоило ждать 75 лет для того, чтобы решения, которые когда-то были приняты им, сейчас в новой оболочке, под новым соусом были возрождены? А ведь именно Гитлер был пионером эвтаназии. Именно он еще в довоенное время инициировал проведение опытов, соответствующих процедур, создал целую идеологию, то есть подвел идеологическую базу под эту практику, и так называемой эвтаназии по приказу Гитлера подвергались как престарелые, так и люди, которые имели разного рода увечья, имели психические проблемы, тяжелые психические заболевания. Мы сегодня являемся свидетелями того, как эта нацистская идеология возрождается. Словом «эвтаназия» сейчас обозначается умерщвление тяжелобольных людей. Причем существуют разные формы эвтаназии, в том числе в некоторых странах уже разрешена детская эвтаназия.

Позиция Церкви всегда заключалась в том, что жизнь и смерть человека находятся в руках Божиих. Если человек страдает, то это страдание ему посылается Богом для того, чтобы он духовно очистился. Никто не вправе прекращать жизнь человека. Бывают, конечно, особые случаи. Например, человек находится на аппарате искусственного дыхания или на аппарате искусственной почки, и бывают случаи, когда человек добровольно отказывается от лечения, понимая, что оно не способно исцелить болезнь, но способно лишь продлить его страдания – это

нравственный выбор, который может сделать каждый человек. Церковь никогда не говорит о том, что нужно использовать любые имеющиеся методы для того, чтобы любой ценой продлить жизнь. Но если говорить об умерщвлении людей, которые не хотят жить по той или иной причине – либо потому, что у них тяжелая болезнь, либо потому, что у них какие-то другие проблемы, в том числе психического характера, – с этим Церковь согласиться никак не может. Таким людям надо помогать всеми возможными средствами, а самое главное – возвращать этим людям волю к жизни. Это то, чем Церковь, собственно, занимается на всех фронтах: возвращает людям волю к жизни, если они ее потеряли.

Для Церкви существует очень простое правило, которое было сформулировано еще в Ветхом Завете. Это одна из десяти ветхозаветных заповедей, она гласит: не убий. С точки зрения Церкви любое убийство преступно: будь то эвтаназия, аборт или другая форма убийства, которая оправдывается теми или иными соображениями. Исключения могут составлять только случаи убийства в ходе военных действий или уничтожения террористов, то есть ликвидация того или иного человека с целью предотвращения ликвидации им других людей – это единственная ситуация, в которой может быть оправдано убийство.

Е. Грачева: Большое спасибо, владыка, за эту беседу!

Митрополит Иларион: Спасибо, Екатерина!

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир».

Вопрос: Православное богослужение непонятно даже для верующих, что уж говорить о человеке, пришедшем с улицы. Почему служба должна совершаться именно на славянском языке, а не на русском? Разве она не должна быть понятной?

Митрополит Иларион: Этот вопрос, поступивший от телезрителя, отражает дискуссию, которая в Русской Православной Церкви ведется уже более ста лет. Еще святитель Феофан Затворник в конце XIX века говорил о том, что в наших богослужебных книгах много непонятного, и предлагал их отредактировать так, чтобы они были более понятны для восприятия на слух.

Православное богослужение сформировалось в своей основе в период между IV и IX веками. Если мы посмотрим на богослужебные тексты, которые звучат в наших храмах, то в основном это произведения древней византийской поэзии, и даже в переводе на русский язык они далеко не всегда оказываются понятны, тем более для восприятия на слух. Недавно, когда начался Великий пост, мы читали в течение первых четырех дней Великий покаянный канон преподобного Андрея

Критского. Это произведение византийской поэзии, которая основана на различных ссылках на библейских персонажей, причем персонажей, которых по именам мы не знаем и не помним. Это произведение было написано для монахов, которые знали Библию практически наизусть, и достаточно было упомянуть имя того или иного персонажа, чтобы в уме человека воскресла конкретная библейская история, а затем эта история была бы спроецирована на его собственную жизнь. Но когда современные люди читают это произведение или слушают его, то у них читаемый текст этих ассоциаций не вызывает по той причине, что большинство из них, скажем прямо, большинство из нас не очень хорошо знают Библию.

Поэтому одним только переводом на русский язык проблему непонятности богослужения не решить, хотя Святейший Патриарх Кирилл говорит о том, что частично перевод на русский язык богослужения допустим там, где это будет хорошо воспринято прихожанами. То есть, например, на русском языке, говорит он, можно читать Евангелие, Апостол, фрагменты из Ветхого Завета. И в некоторых приходах это практикуется, если не прямо на богослужении, то, по крайней мере, во внебогослужебное время.

Мы думаем, что решение вопроса понятности и непонятности богослужения сейчас лежит не в плоскости перевода богослужения на русский язык, а прежде всего в плоскости той разъяснительной работы, которую должны вести священники в храмах. Нужно объяснять людям богослужения, объяснять смысл конкретных богослужебных текстов. Можно сравнить это с классической музыкой: кто-то может сказать, что классическая музыка устарела, потому что современная молодежь ее не слушает. Но это не делает классическую музыку менее ценной. Если мы хотим научить человека воспринимать классическую музыку, то для этого сам человек должен пройти определенный путь. То же касается восприятия живописи, поэзии. Человек, который никак не приучен к восприятию этих видов искусства, и не сможет их адекватно воспринять.

Богослужение не требует какого-то «профессионального» подхода, оно действительно должно быть открытым и понятным для каждого. Но здесь, конечно, для понимания богослужения требуются не только усилия священника, но и усилие самого человека, который должен проявить интерес к богослужению, который может озаботиться тем, чтобы приобрести, скажем, текст Божественной литургии в русском переводе, читать дома Евангелие, Библию и, постепенно входя в эту богослужебную жизнь Церкви, он увидит, что богослужение стало для него понятным.

Вопрос: Дорогой владыка, насколько греховно совсем не поститься Великим постом, если здоровье не позволяет?

Митрополит Иларион: Я бы так ответил на этот вопрос: я никогда не слышал о том, чтобы пост был вреден для здоровья. Наоборот, все врачи, с которыми я общаюсь, в один голос говорят, что

многие проблемы современного человека возникают из-за неправильного питания, избыточного веса, из-за избытка либо белков, либо углеводов, либо того и другого в диете, и что пост как раз позволяет сбалансировать диету, то есть ничего вредного в посте для здоровья быть не может. Другое дело, что есть некоторые категории людей, которым пост по каким-то причинам противопоказан, у которых просто другая диета в силу той или иной болезни. Церковь всегда с полным пониманием относится к таким людям и никогда никому не навязывает строгие правила поста.

Вопрос: Как бороться с атеистами в XXI веке?

Митрополит Иларион: Я думаю, что бороться с атеистами – это не то, чем должны заниматься верующие люди. В советское время атеистическое государство боролось против религии. А задача верующих людей заключается не в том, чтобы против чего-то бороться, а, прежде всего, в том, чтобы что-то защищать. А что мы должны защищать? Мы должны защищать ту религиозную веру, которую мы сами либо унаследовали от предков, либо к которой мы пришли своим умом, либо к которой Бог нас привел. И вот этим опытом нашей религиозной жизни мы можем и обязаны делиться с другими людьми.

Некоторые считают, что религиозность надо скрывать. Это неправильно. Религиозность не надо скрывать. Ей не надо кичиться, но и не надо ее куда-то глубоко прятать. Пусть люди знают, что вы верующий человек и пусть они видят, как вера сказывается на вашей собственной жизни.

Я думаю, что отношение верующего человека к атеисту не должно быть сопряжено с какой-то ненавистью или неприязнью. Мы должны жалеть этих людей, потому что это значит, что Бог не открыл им Самого Себя или они не нашли в себе достаточных сил для того, чтобы открыть Бога. И мы должны помогать этим людям прийти к вере.

Я хотел бы завершить эту передачу словами апостола Павла из Послания к римлянам: «Они отломились неверием, а ты держисься верою: не гордись, но бойся» (Рим. 11. 20).

Я желаю вам всего доброго и да хранит вас всех Господь!

Служба коммуникации ОВЦС